

Галина Нефагина
Instytut Neofilologii
Akademia Pomorska w Słupsku

**„ПОЛЬСКИЕ” СТРАНИЦЫ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ
*ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК***

Key words: Ulitskaya, “Polish” pages, images of Poland, life stories, life of frontier, semantics of losses

Вышедший в 2006 году роман Людмилы Улицкой сразу вызвал многочисленные отклики. „Новый мир” очень быстро отреагировал, опубликовав в седьмом номере журнала несколько статей разных авторов, объединенных рубрикой „Вокруг Даниэля Штайна”. В более чем 20 появившихся статьях речь идет главным образом о главном герое произведения, о религиозных, национальных и нравственных проблемах. Поводов для дискуссий и полемики более чем достаточно: роман написан на животрепещущем материале, поднимает проблемы, однозначное решение которых невозможно. Он панорамно охватывает разные времена и страны. Действие происходит в довольно значительном временном периоде от начала Второй мировой войны до конца 1990-х годов. При этом время, благодаря представленным в переписке воспоминаниям, раздвигается в прошлое – в 1920–40-е годы, а в письмах автора подруге – в современность, в 2006 год. Столь же широка и география: Польша, Литва, Беларусь, Россия, Германия, Израиль, США. Польские страницы занимают довольно большое место в тексте романа. Польша представлена на страницах книги Улицкой топонимами Краков, Варшава, Вроцлав, Кельце, местечко в Южной Польше.

Сюжетную канву (именно канву, ибо сюжет как таковой в романе вычленишь не просто) составляют перипетии жизни главного героя – католического священника, польского еврея Даниэля Штайна, данные в круге исторически значимых событий: войны, массового уничтожения евреев, депортации поляков в Россию из восточных областей, образования Израиля, распада СССР. По проявленной проблематике это сложное переплетение национальных, религиозных, этических, философских, исторических вопросов и культурной рефлексии по их поводу.

В критике отмечено, что в жанровом отношении произведение не укладывается в рамки романа. И причина этого кроется в том, какое место в повествовании и как занимает автор. По словам Ю. Малецкого,

книга почти нарочито антилитературна. Едва все это „огнедышащее разнообразие” начинает превращаться в космос, в целое, в герметичный художественный мир, пусть и выстроенный на документальной основе, раздастся звон разбитого стекла. В разомкнутое пространство быстро входит невысокая женщина с короткой стрижкой. Людмила Улицкая. И начинает говорить, поверх голов своих героев, их судеб, сама: книга прославляется письмами автора к Елене Костюкович, живущей в Италии знаменитой переводчице Умберто Эко и литературному агенту писательницы. Улицкая рассказывает Ляле об отношениях с собственным текстом, еврейским вопросом, литературным вымыслом, Русской православной церковью, раскрывает, кто из персонажей вымышлен, а кто – лишь частично (праведник Даниэль Штайн, например, списан с реального отца Даниэля Освальда Руфайзена, католического священника, умершего в 1998 г.)¹.

Создается впечатление, что автор не вполне доверяет читателю, его умению понимать то, что не выражено прямым текстом, и повторением хочет донести идею, „дожать” читателя.

Даниэль Штайн, переводчик по форме представляет собой житие, агиографическую книгу, по принципу коллажа составленную из писем, телефонных разговоров, бесед, магнитофонных записей, записок, медицинских заключений, стенограмм допросов и прочего документального материала. Но документальность здесь неоднородна. Наряду с реальной перепиской, официальной биографией папы Павла Иоанна II, писательница вводит псевдодокумент: *non fiction* Улицкой – это имитация реального документа, фикция подлинности, служащая для реализации авторской концепции. При этом будучи формально не отличимы от настоящих, выдуманные документы более предсказуемы, содержат в себе публицистически выраженную идею. Хотя книга построена на религиозном материале и вполне может относиться к литературе религиозного направления, ее главная идея, прочитываемая поверх религиозного и пресловутого еврейского вопроса, это идея светская: писатель пытается найти ответ для себя и через себя для других

на целый ворох неразрешенных, умалчиваемых и крайне неудобных для всех вопросов. О ценности жизни, которая обращена в слякоть под ногами, о свободе, которая мало кому нужна, о Боге, которого чем дальше, тем больше нет в нашей жизни, об усилении по выковыриванию Бога из обветшавших слов, из всего этого церковного мусора и самой на себя замкнувшейся жизни².

¹ Ю. Малецкий, *Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции*, Новый мир 2007, № 5, с. 178.

² Л. Улицкая, *Даниэль Штайн, переводчик*, Москва 2006 [далее: ДШ], с. 123.

Человеку невоцерковленному и не знающему различий в верованиях и обрядности разных религиозных конфессий трудно судить об истинности или неправильности сложных построений и рассуждений о католичестве, православии, иудаизме, о возможности экуменизма и всеобщего религиозного понимания и примирения. Книга уже вызвала обсуждение и осуждение ученых-богословов, чьей обоснованной критике нельзя не внимать. Л. Улицкая обратилась к очень сложным вопросам, требующим не самодеятельной, а специальной теологической подготовки. Но при всей важности этих проблем представляется гораздо более значимым то, что в книге сделана попытка создания „положительно прекрасного человека”, чья подвижническая жизнь, полная, тем не менее, ошибок, направлена на всеобщее примирение и любовь. То, что писатель „подыгрывает” герою, произвольно выводя его из действительно сложных и неоднозначных ситуаций, или намеренно опускает, утаивает истинные последствия его поступков и проступков, очевидно и предопределено задачей создания положительного образа.

Именно с главным героем, стягивающим все смысловые линии романа, связана большая часть польских страниц книги Улицкой. Этнических поляков среди действующих лиц почти нет, в основном это евреи польского происхождения. И вся книга об идеалистической попытке героя соединить иудеев и христиан в единой церкви.

Прототипом Даниэля Штайна послужил скончавшийся в 1998 году монах-кармелит Даниэль Освальд Руфайзен, жизнь которого и составила основу книги Улицкой. Герой романа родился в „захудалой деревне с польско-еврейским населением” в Южной Польше. Одной фразой писательница показывает непростую судьбу этой территории, которая принадлежала то Австро-Венгрии, то Польше, а когда-то и Галицкому княжеству. Естественно, что здесь сплетались самые разные верования и обычаи, проникали друг в друга разные культуры. Так, отец Даниэля исповедовал иудаизм, имел все привычки австрийского военного, а „культура в его глазах ассоциировалась именно с культурой немецкой” [ДШ 34]. Даже дав своим детям традиционные еврейские имена Даниэль и Авигдор, старший Штайн в документах записал их как „благородных арийцев” – Дитера и Вильфрида. Он послужил в трех армиях: „начал солдатом в австрийской, во время Первой мировой войны воевал в германской, а закончил свою карьеру в низшем офицерском чине уже в польской армии” [ДШ 34]. Отец Даниэля был субъектом пограничной культуры, складывавшейся при взаимовлиянии разных национальных обычаев, а также польского, немецкого языков и идиш. Но он испытывал тяготение к немецкой культуре. „С польского он всегда охотно переходил на немецкий. На идише, основном языке польского еврейства, в доме почти не говорили” [ДШ 35].

Не удивительно, что в условиях пограничных культур и сам герой сформировался как открытая к коммуникации личность, способная к диалогу и полилогу, к адекватному восприятию „своего” и „чужого”. Он впитал не только культуру польской деревни, но и субкультуру еврейской среды, от отца

унаследовал знание немецкого языка. Герой вырос в Польше, польский был основным языком общения. Даже усвоив несколько других языков, он говорил на них с польским акцентом. Если сопоставить влияние разных культур и религий на формирование Даниэля Штайна, то понятно, почему он обращается к католицизму – государственной религии поляков.

Улицкая, показывая Польшу с точки зрения старшего Штайна, создает в некотором роде негативный образ страны, которая предстает как отсталая в сравнении с Австро-Венгрией. Вынужденный работать в корчме, отец, что естественно, видел там пьяных польских крестьян, которые не могли удовлетворить его тягу к образованным собеседникам, но его отношение к этим не знающим иного отдыха от работы людям распространялось на других поляков. После Первой мировой войны деревня отошла к Польше. „Из культурной немецкоязычной Австрии все как будто переехали в бедную и отсталую Польшу” [ДШ 35]. По словам Даниэля, железной дороги от деревни до городка, где он учился и жил у тетки, не было. Но здесь проглядывает некоторая заданность авторского отношения: ведь географически деревня не изменила своего расположения и, если были железные дороги в „более культурной” и развитой Австро-Венгрии, то куда же они исчезли при переходе под польскую юрисдикцию?

В книге немало места уделено описанию системы образования в Польше. В деревенской польской школе „в одном помещении сидели ребятишки всех возрастов. Уровень образования был более чем скромным, но чтению и письму учили” [ДШ 37]. Продолжить образование можно было в городской школе. Лучшей считалась Государственная школа Йозефа Пилсудского, куда принимали и еврейских детей. Причем, по словам брата Авидора, Даниэль учился вместе с детьми из самых культурных польских семей. Толерантность поляков прослеживается во многих эпизодах, в частности, в обучении Даниэля верховой езде, которое организовал польский офицер-кавалерист, отец одного из учеников. Автор не останавливает внимания на демократичности школьного образования в Польше, где существовало обучение не только на польском, но и на немецком языке и идиш, зато подчеркивает, что „немецкое образование ценилось выше польского, не говоря уже о языках идиш или древнееврейском” [ДШ 38]. Улицкая иногда несправедлива и достаточно радикальна в противопоставлении польской и немецкой культур довоенного времени.

В книге Улицкой много сведений о том, что происходило в Польше перед Второй мировой войной и во время ее. Они позволяют реконструировать исторические события 1939 года, когда 1 сентября Германия начала оккупацию Польши. Это время передается через воспоминания и рассказы нескольких героев. К сожалению, в них недостаточно проявлена индивидуальность переживания событий тех месяцев, отчего их изображение приобретает некоторую одномерность. Так, и Даниэль, рассказывающий школьникам о своей жизни, и его брат Авидор, вспоминающий об их семье, говорят как-то отстраненно, просто констатируя факты. Даже комментарии первых трагических

дней войны лишены всяких эмоций. С наступлением немецкой армии семья Штайн решила переехать под Краков, но обогнать наступающую армию им не удалось. Отец надеялся, что поскольку он служил в Первую мировую в германской армии, то его не тронут: он, веря в немецкую культуру, предпочитал остаться под немцами. Результат слепой веры в гуманность культурной нации в отношении евреев известен. В отличие от отца Даниэля Штайна, другие польские евреи, например, Эстер и ее муж, восприняли аннексию Германией западных польских территорий как угрозу жизни, как конец всему. Но и присоединение восточных земель (отсчет ведется с точки зрения поляков) к СССР несло с собой трагедию высылки польских жителей из приграничных районов в Казахстан, за Урал. Только через десятки лет они смогли вернуться в Польшу.

Тесно связана с Польшей Рита Ковач. Она родилась в Варшаве, там училась в Высшей школе Муха-Скочевской, в 1926 году вступила в польский комсомол. Из ее автобиографии становятся известны некоторые события социальной борьбы 1920-х–30-х годов в Польше: демонстрация рабочих завода „Почиск”, организация просветительских партийных кружков, аресты коммунистов. По биографии Риты Ковач даже возможно восстановить названия тюрем, где содержались политзаключенные. Это „Сербия” в Варшаве, Бригитки во Львове, тюрьмы Ломжи, Серадза, Фордон. Присоединение восточных земель Польши к Белоруссии и Украине Ковач воспринимает как освобождение и принимает советское гражданство, но когда стало возможным в 1954 году возвращение поляков на родину, она переезжает в Варшаву. Убежденная коммунистка-сталинистка, Ковач фанатично предана идее социального равенства и социалистического мироустройства, которые всеми силами старается внедрить в Польшу. В 1968 году, когда по всей социалистической Европе прокатились волнения, „они захватили и Польшу. Когда подавили все эти беспорядки, в Польше начались аресты, увольнения, а в их партии пошла волна против ревизионистов и сионистов. Гомулка выгонял евреев” [ДШ 68–69], и Рита Ковач уехала в Израиль. История заявлена Улицкой как религиозная, социальная, национальная, но не как культурно-литературная, что выводит произведение из круга художественной литературы, приближая к идеологической (а большей частью и к богословской) прозе.

Художественное слово суть поэзия

призвана через тончайшие, свойственные ей одной откровения дать человечеству всеисчерпывающие отображения мировых явлений – от самых темных бездн падений до высочайших красот просветленности. И вся эта непрерывная гамма отображений невольно влечет человечество к желаемому светлому обновлению и взаимному созвучию³.

³ Н.Ф. Христофорова-Садомова, *Воспоминания о поэте Ключеве Николае Алексеевиче*, Наш современник 1992, № 5, с. 155.

Если принять во внимание эти слова, то книга Улицкой вряд ли может быть отнесена к изящной словесности. Ни о каких тончайших откровениях говорить не приходится. Поэтика реалистического эпистолярия исключает сентиментальность, и письма персонажей почти лишены живых переживаний и эмоциональных оценок. Они информативны, констатируют факты и оставляют впечатление рассудочных. Это может быть объяснено тем, что события отстоят на значительном времени от момента их изложения. Но именно такая форма повествования позволяет верить рассказчикам, воспринимать историческую информацию как достоверную.

Книга Улицкой наполнена фактами, сведениями именно исторического характера, бытовая сторона, повседневная жизнь поляков остаются вне поля зрения писательницы. Пожалуй, единственное более подробное описание связано с польским детским домом, переведенным в годы войны в подмосковный Загорск – центр православия Троице-Сергиев посад. Этот детский дом был создан польской писательницей-коммунисткой Вандой Василевской для детей поляков, репрессированных сталинским режимом. „Без Ванды ничего бы не было, хотя официально покровительствовал приюту Международный Красный Крест и тайно – польская католическая церковь” [ДШ 63]. (Интересные зигзаги – соединение усилий коммунистки и католической церкви в деле спасения детей – очень похоже не на вымысел писателя, а на реальную историю.) Дочь Риты Ковач Эва, которую Рита оставила в приюте, рассказывает, что долгое время после возвращения детдома из России в Варшаву она разговаривала по-польски только шепотом, привыкнув так общаться с братом в Загорском приюте. Она с горечью вспоминала детскую обиду, когда позже, уже в Варшаве, ее не пустили к первому причастию потому, что у нее не было белого платья.

Казалось бы, если так много героев связано с Польшей, то должны существовать разные точки зрения на польскую историю, события войны и послевоенный период. Но удивительно, что все персонажи повествования словно приподнимаются над своим личным опытом и на современном срезе выражают скорее авторскую мысль в разных вариациях. Относительно Польши эта мысль оказывается связанной с семантикой утрат и подмен. Так, Эва теряет мать, которая заменяет чувство материнства фанатичным служением социалистической идее. Затем она теряет брата, веру в Бога, наконец, теряет и Польшу, выйдя замуж за немца. Всю родину ей теперь заменяет общение с Эстер, с которой можно с наслаждением разговаривать по-польски. Многие персонажи оказываются вне Польши, хотя почти все родились на ее территории.

Драматически складывается судьба польки Гражины, вышедшей замуж за еврея. Она разделила с мужем боль из-за гибели в немецких лагерях его родных. Но еще большее горе принесли события в Кельце, где в результате погромов погибли уцелевшие от лагерей польские евреи. По словам Гражины, погромы, имевшие место и в Кракове, и в Жешуве, были организованы комитетом госбезопасности, польским или советским „значения не имеет. Какая разница? Убийства были совершены польскими руками” [ДШ 133]. Естественно, что

переехавшая в Палестину семья имела сложное отношение к Польше. Муж Гражины „по культуре поляк, польскую поэзию наизусть знает, Шопен бог для него. Но простить не может полякам Келецкого погрома” [ДШ 132]. Уехав вместе с мужем, Гражина пытается сохранить в семье польский язык, приучить детей к костелу, ввести их в католичество. Но дети не знают Польши, она им чужая. И Гражина понимает, что они – отрезанный ломоть. После смерти мужа она рвется в Польшу, но родина 1965 года ее разочаровала. „Когда я увидела Польшу после стольких лет, поняла, что мне и там будет плохо. [...] Вернувшись из унылого нашего Кельце, поняла, что и там не смогу. [...] Там все так серо, так бесцветно, а люди слишком уж молчаливы” [ДШ 136].

Необходимо сразу отметить, что польская линия не существует обособленно. Польша в сознании героев оказывается переплетена с Беларуссией и Украиной. Это и понятно, так как до 1939 года нынешние западные территории Беларуси входили в состав Польши. До сих пор в западных деревнях белорусов-католиков называют в обиходе поляками, а белорусов-православных – русскими, то есть во внимание принимается не этнический, а религиозный принцип. В романе Улицкой основные персонажи – это евреи польского происхождения, и в их сознании национальное (еврейское) тесно переплетается с патриотическим (польским).

Ненавязчиво, через штрихи-повторения подчеркивается польский патриотизм. Маленькие дети Риты Ковач, находясь в приюте под Москвой, верят, что вернуться в Польшу, разговаривают между собой по-польски, чтобы не забыть язык, ставший родным. Тоскует по Польше Гражина, не вытерпевшая после смерти мужа одиночества и покончившая с собой. Польша Беата Семенович в письме к сестре Марии Валевиц пишет: „В поляках всегда видели националистов. Так оно и есть, мы националисты. Иван всегда поляков уважал, считал, что мы, в отличие от белорусов, сильный народ” [ДШ 442]. Национализм и патриотизм поляков оказываются теснейшим образом связаны друг с другом.

Гордостью поляков стал Кароль Войтыла – Папа Иоанн Павел II. В *Даниэле Штайне, переводчике* приводится выписка из биографии Папы, в которой подчеркиваются его усилия по экуменизации церквей. Судьбы главы католической церкви и Даниэля Штайна дважды пересекаются. Первый раз Даниэль и молодой актер из краковского театра были претендентами на единственное место послушника Кармелитского монастыря и занял это место Даниэль. Потом скромный священник был принят Святейшим Папой, который угощал его польскими блюдами: сыром, краковской колбасой. „Матка Боска! Я такую колбасу с отъезда из Польши не видел. Еще бутылка воды и графин вина. Еда была польская – суп принесли, потом еще бигос” [ДШ 363]. Все это напомнило Даниэлю родину и, как когда-то Адам Мицкевич восклицал: „О моя Литва!”, так из уст монаха вырывается: „Польша моя, Польша”.

Польша сохраняется в сознании разных персонажей в неодинаковой степени. Кто-то, как Рита Ковач, живет с неутоленной обидой на страну, ради которой пришлось пройти тюрьмы и лишения: „Мне должна Польша! Я отдала все свои

силы Польше, я воевала за Польшу, я жила ради ее будущего, а она меня вышвырнула! Она меня предала” [ДШ 73]. Другой вспоминает жизнь на родине как самое светлое, хотя и тяжелое время. Третий (Павел Кочинский) понимает, что его усилия по созданию истинной истории страны не могут быть реализованы в социалистической Польше, и уезжает в Англию. Только немногие из героев живут в Польше, но практически все связаны с ней нитями судьбы. Польша становится в книге пространственной доминантой. Но она еще и генетическая доминанта: мало того, что все герои родились в Польше, но страна еще и крупнейший центр католичества. Религиозный текст книги так или иначе актуализирует роль Польши в самосознании, культуре и религиозном определении и ее граждан.

Улицкая экстраполирует польский текст на русский и еврейский как вариант корневых трагических событий. И в этом смысле распадение реальных связей героев с Польшей может восприниматься как свидетельство неблагополучия страны, распада целостности.

Summary

“Polish” Pages of *Daniel Stein, the Translator* by L. Ulitskaya

The author of the article analyses “Polish” pages of Daniel Stein, the translator, one of the most disputable novels written by L. Ulitskaya. Complicated life of frontier (eastern and western) Polish lands shown through life stories of the characters is dealt with. The subjective images of Poland which appear in consciousness of the heroes are of the utmost importance for understanding the ideology of the novel. In general the image of Poland in L. Ulitskaya’s novel is connected with semantics of losses, and the break of characters’ real connections with their homeland can be understood as the evidence of trouble, disintegration of integrity.